

Санкт-Петербург
Расср. общие вопросы

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

РОГДА Булат Окуджава сочинял свою знаменитую песню, он вряд ли предполагал, что его метафора станет реальностью. В те годы его друзьям можно было рассчитывать разве что на «кабинеты» в форме тюремных камер (звук пилы и топоры трудны для слышания). Не прошло и полжизни, как образ стал буквально — и кабинеты без всяких кавычек стали средой обитания наших друзей. Поначалу процесс этот бодрил. Но постепенно выяснилось, что ирония, заложенная поэтом в строчки: «Скоро все мои друзья выбьются в начальство, и, наверно, мне тогда станет легче жить», долговечнее, чем оптимистические прогнозы.

И в политике, и в общественной жизни, и в театральной провинции еще один печальный закон: как и камеры, кабинеты имеют свойство подчинять себе своих начальников-хозяев. Только единицы умудрялись оставаться самими собой на лесоповале, только единицы умеют уклоняться от маяющих в свои объятия кресел и, даже будучи начальником, сидеть на краешке стула. Не будем о политике, наступят новые выборы, и мы опять поддадимся иллюзиям и будем выбирать меньшее из двух-трех-четырёх зол. А вот что делать с теми друзьями, для которых мы яростно осуждали кресла от театральных мастодонтов? Они ведь принесли нам не меньше разочарований...

В Питере три театра находятся в промежуточном состоянии — постановочном, посторбачевском и постагамирязновском. Сравнивать БДТ, Пушкинский и Комиссаржевку трудно, но общие черты обнаружить, увы, можно. Единственный — Открытый театр — возглавляет суперактёр И. П. Владимиров. Несмотря на его оживлённость в последние время эстетические выступления по поводу «принципов открытого театра», погоды он не делает: его театр как раз очень закрытый, консервативнейший где-то на полпути между драматическим театром и поп-культурой 60-х.

Погоду делают сорокалетние, включая более молодого Д. Астрехана и менее молодого Л. Додина.

Здесь надо остановиться, и переждать

упреки «Какую погоду делает Додин, выпуская по одной премьере в год и проводя большую часть сезона на гастролях?» — «Какую погоду делает Г. Тростянский, который выпустил за время своего правления только один собственный спектакль, да и то два года назад?» — «Какую погоду делает В. Газдков, совершающий одну за другой репертуарные ошибки?»

Из всех возможных упреков могу с чистой совестью ответить лишь на первый: Додин делает не то что погоду, он создаёт климат. За последние два года Малый драматический прошёл такую эволюцию, на которую иному театру понадобилось бы не менее десяти лет: «Гудеамусом» он отдал дань постмодернизму, а уже следующим спектаклем — «Бесами» — вернулся к человеческим измерениям, найдя ту меру условности, обобщения, которая возмещает реализм над натурализмом.

На остальные вопросы ответить гораздо труднее. Во-первых, потому что и Газдков, и Астрехан, и Тростянский, и Андреев — в той или иной степени, мои избранные. Во-вторых, потому, что на первых порах не хотелось дергать их, упрекать в каждом неверном шаге. В-третьих, потому что я и сейчас не знаю наверняка: кто из них сможет стать настоящим художественным руководителем и кто удержит хотя бы звание режиссёра. Конечно, кабинеты (то есть власти) уже подыскивали на них не лучшим образом. Власть если не развращает, то во всяком случае ослабляет. Ты держишь круговую оборону от более талантливых людей, сам при этом утрачивая критерии самооценки.

Этот процесс тревожит меня не сам по себе. Предположим, что через два года, когда истечёт срок контракта, подписанного мной с каждым из новоиспечённых начальников, они освободят кресла для следующих претендентов. Но откуда ж им взяться — претендентам. Сегодня хорошим тоном считается и самому не ставить и другим не давать. Если поначалу Газдков возни-

сно: театр.

Кабинеты моих друзей

ся с молодыми режиссёрами (Т. Казаковой, В. Крамером), то сегодня его вкус — это режиссура Льва Лемке и Леонида Трушкина. Единственный яркий спектакль его царствования — «Как вам это нравится» (поставленный Татьяной Казаковой) сегодня в плачевном состоянии, за время гастролей испорчены декорации Александра Орлова, актёры разбежались, входы сделаны тип-ляп. Но нарушение авторских прав режиссёра — дело обычное, стоит ли удивляться? То, что новые художники мгновенно усвоили стиль руководства, который так не нравился им в старшем поколении, неудивительно. Удивительно то, что, получив свободу, какой не знали старики, они утратили вкус к творчеству. Их театры сделались монополиями, но не стали авторскими. Это видно тоже — глубокое влияние «кабинетов».

Один превращает свои обширные владения в доходный дом. Другой в учебную сцену для своих студентов. Третий неделями долго играет в Марка Захарова, преуславая в кино, но не слыша подтверждений права суверена на театре. Они молоды, хотя и знали в бороде уже появились, и давно не вспоминали Ибсена с его «Строителям Сольхасема». Но ведь очень скоро кто-нибудь придет к ним и потребует: «Корольство на столе!» Что они смогут правдиво?

Из всех только Семен Спивак сможет: его спектакли выстраиваются в последовательную творческую линию, последний из них — «Гроза» совершенно самостоятельно и неожиданно трактуется хрестоматийную пьесу. («ЗС» № 49 уже высказался о спектакле). На все, наверное, получается у Спивака в кабинете, зато на сцене — талантливые мизансцены, атмосфера, характеры. То, о чём уже забывали в иных театрах, неумевая даже элементарно свести концы с концами, выстроить конфликт, поставить точку. Театр на Фонтанке стал театром Спивака. И мне стало легче жить.

Елена АЛЕКСЕЕВА.